

присущи и другим группам местного населения. Однако данная гипотеза требует дополнительного исследования.

Книга Д.В. Сеня не только представляет читателю большой объём материала по заявленной проблематике, но и ставит новые вопросы, нуждающиеся в изучении. Собранные учёным данные открывают большие исследовательские перспективы. Очевидно, что использованные им в различных публикациях архивные материалы позволяют в перспективе проработать поставленные проблемы ещё более глубоко.

Примечания

¹ Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686—1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 30—49.

² Багров А.В. Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

³ Гуськов А.Г., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в 1680-х — 1690-х гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1. С. 108—122.

⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1466, л. 318.

⁵ Там же, ф. 111, оп. 1, 1692 г., д. 2, л. 11.

⁶ Там же, л. 6.

⁷ Там же, д. 3, л. 123.

⁸ Там же, л. 139, 140.

⁹ Там же, л. 142—143.

¹⁰ Там же, 1693 г., д. 10, л. 2, 3

¹¹ Там же, д. 11, л. 371.

¹² Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 13, д. 12348, л. 1—2.

¹³ Гордон П. Дневник 1690—1695. М., 2014. С. 389, 396.

¹⁴ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1695 г., д. 12, л. 71.

¹⁵ Сеня Д.В. Казаки Крымского ханства в начальный период своей истории (1690-е гг. — начало XVIII в.) // Липоване: история и культура русских старообрядцев. 2009. № 6. С. 20.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 13, д. 12703, л. 2.

¹⁷ Там же, д. 13159, л. 1.

¹⁸ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1695 г., д. 12, л. 118, 119.

¹⁹ Сеня Д.В. Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2(41). С. 50.

²⁰ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 13, д. 13158.

²¹ Там же, д. 13159, л. 2—4.

Фёдор Гайда

Рец. на: Ф.А. Селезнев. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914—1918 гг.). СПб.: Алетейя, 2017. 178 с.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow)

Rec. ad op.: F.A. Seleznev. Revolyutsiya 1917 goda i bor'ba elit vokrug voprosa o separatnom mire s Germaniyei (1914—1918 gg.). Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870017296-6

Работа Ф.А. Селезнёва написана на стыке истории дипломатии и внутренней политики и опирается на положения теории элит (с. 6—12). В центре внимания автора — влияние внешней поддержки на действия российской «контрэлиты», которую составляли «отторгнутые от власти носители политической энергии», в период

Первой мировой войны, ставшей, по мнению исследователя, решающей причиной революции 1917 г. При этом он в самом начале книги особо отмечает, что все сторонники исполнения союзнических обязательств потерпели в России поражение, верх же одержала та сила, которая пошла на заключение сепаратного мира (с. 6).

В целом, Селезнёв опирается на хорошо известные источники, но успешно обосновывает новизну своих подходов и выводов в пространных историографических экскурсах. Всего в монографии пять глав-очерков. В них говорится о внешнеполитической ориентации русской либеральной оппозиции накануне и во время войны, вплоть до корниловского выступления, о противостоянии различных её групп, о «деле Сухомлинова» и связанных с ним конфликтах в правительственных кругах и в публичной сфере, о дипломатических шагах Совнаркома в первые месяцы его существования и об отношении к ним противников большевистской диктатуры.

Автор оспаривает господствующее среди современных историков убеждение в том, что подготовка сепаратного мира при Николае II являлась мифом, созданным для дискредитации монарха и его окружения. Как полагает исследователь, Британия имела серьёзные основания опасаться выхода России из войны. Германия уже с конца 1914 г. вела зондаж возможности подобного решения, а в Петербурге проявляли интерес к этим инициативам, поскольку были разочарованы неуступчивостью союзников при обсуждении послевоенной судьбы черноморских проливов (с. 75—76). Впрочем, Селезнёв так и не уточняет, была ли вероятность заключения сепаратного мира действительной или только мнимой (с. 175). Но именно с ней в книге связывается «дело» военного министра В.А. Сухомлинова. Пользуясь большим доверием императора, он довольно критически отзывался о странах Антанты. Так, Селезнёв приводит яркую цитату из воспоминаний генерала: «Союзники — Франция и Англия — должны были препятствовать тому, чтобы царь заключил мир. Англия видела созревающей свою большую победу: уничтожение русского могущества, которое стоя-

ло поперёк дороги её азиатским планам. Но Франция считала для себя гибельным, если русское пушечное мясо будет отнято у немецких пушек. Эти союзники царя шли неуверенно к революционерам и социалистам, убеждая их в общности интересов продолжения войны» (с. 71). Однако стоило бы напомнить читателям, что эти мемуары были написаны и впервые опубликованы в 1924 г. в послевоенном Берлине, тогда же переведены на немецкий язык, и резкие отзывы об Антанте в них выглядели вполне естественно.

Как полагает Селезнёв, Сухомлинов лишь создавал соответствующий канал «связи» между Россией и Германией, отправив в Стокгольм В.Д. Думбадзе (с. 73—76). В ответ англичане, по осторожному предположению автора книги, направили в Россию подпоручика Я.П. Колаковского (Кулаковского), обвинившего в государственной измене близкого к министру полковника С.Н. Мясоедова, а «русские спецслужбы проглотили наживку» (с. 72—73). Одновременно сторонники вел. кн. Николая Николаевича, ориентировавшегося на британцев, заговорили о «снарядном голоде», обвиняя в нём не начальника Главного артиллерийского управления вел. кн. Сергея Михайловича, а главу военного ведомства. В результате им удалось добиться отставки Сухомлинова и ареста Думбадзе (с. 80—81). Однако истоки «дела Мясоедова» уже достаточно хорошо освещены в современной литературе. Они уходят в предвоенные годы и тесно связаны с внутриправительственными противоречиями, с конфликтом между Сухомлиновым и либеральной оппозицией и его противостоянием со Ставкой. Колаковский же играл в этом деле явно не решающую роль¹.

Важнейшей частью «контрэлиты» Селезнёв считает кадетов, связанных с предпринимателями, вовлечёнными в международную торговлю (с. 14). Это

определяло и позицию партии, активно поддерживавшей сближение с Англией (с. 28). «Великобритания, — пишет историк, — в концентрированном виде выражала тот идеал Европы, который являлся путеводным маяком для русских западников, традиции которых продолжали кадеты. Именно к этому маяку они и стремились». И если одни (П.Н. Милюков) «действовали прагматично», то у других (П.Б. Струве, С.А. Котляревский) «на первом месте находилась эмоциональная составляющая» (с. 51). Неудивительно, что во время Балканских войн кадеты чутко прислушивались к суждениям, звучавшим из Лондона, и в значительной мере руководствовались ими (с. 44—51). А после отставки летом 1916 г. министра иностранных дел С.Д. Сазонова их лидер Милюков стал основным апологетом британской политики в России.

Но Селезнёв допускает, что зачастую англичане использовали Милюкова «втёмную», например, снабжая его необходимым компроматом. Так, именно они будто бы инспирировали знаменитую речь лидера кадетов 1 ноября 1916 г., направленную против председателя Совета министров Б.В. Штюрмера, который добивался оглашения секретной Петроградской конвенции 1915 г. о передаче России после войны Константинополя и проливов и этим вызвал недовольство британцев (с. 105—106). Однако А.Ф. Трепова, сменившего Штюрмера и уже через несколько дней предавшего данное соглашение огласке, Селезнёв называет «антантофилом» (с. 174). Между тем он являлся одним из наиболее влиятельных сотрудников своего предшественника и никаких разногласий относительно внешней политики между ними не наблюдалось².

На Милюкова также пытались влиять интриговавшие против Штюрмера министр финансов П.Л. Барк и рос-

сийский посол в Лондоне гр. А.К. Бенкендорф, сообщивший лидеру думской оппозиции о стремлении главы правительства подготовить сепаратный мир. Граф очень рассчитывал на то, что Милюков поделится этой информацией с англичанами (с. 94—99), но почему-то не пожелал сделать это сам. Рассказывая о посещении Милюковым Швейцарии, Селезнёв признаёт, что там Павел Николаевич собрал множество слухов о тайных контактах эмиссаров «тёмных сил», близких к престолу, с немцами. Однако автор верит словам политика, утверждавшего, что вовсе не это являлось целью его поездки. В итоге выходит, что речь, произнесённая Милюковым 1 ноября, задумывалась и готовилась целым рядом лиц, но только не самим руководителем Прогрессивного блока. Причём все, кроме него, знали или догадывались, что Штюрмер никак не связан с Германией и её происками, и лишь Милюков искренне опасался измены. Более того, этот страх будто бы даже превалировал у него над всеми иными расчётами, не исключая и необходимости спасти единство Прогрессивного блока, к ноябрю начавшего уже распадаться³.

Кадеты продолжали догматично следовать в русле британской внешней политики и в 1917—1918 гг. Даже призыв Милюкова весной 1918 г. пойти на сговор с Германией ради свержения большевистского режима не нашёл у них понимания. Партия, привыкшая следовать за своим лидером, тут проявила удивительную самостоятельность и вскоре окончательно сошла с исторической сцены (с. 173). Впрочем, весной 1918 г. её члены верили в скорый успех Антанты и понимали, что сотрудничество с немцами, даже если бы оно позволило избавиться от большевиков и создать кадетское правительство, вывело бы Россию из числа победителей в войне.

Поэтому поведение Милюкова воспринималось как неожиданная и неоправданная авантюра⁴.

Временное правительство не смогло организовать наступления на фронте и потому оказалось для Антанты не самым лучшим партнёром. Но зато после отставки Милюкова с поста министра иностранных дел оно в мае 1917 г. отказалось от любых послевоенных притязаний и провозгласило курс на «демократический мир», что полностью соответствовало интересам Британии. Селезнёв показывает, что октябрьский переворот не вызвал серьёзных изменений в политике Антанты в России. Первоначально союзники готовы были вместе с большевиками продолжать борьбу против немцев (с. 136—138). Но если Франция полностью отрицала любую возможность переговоров с ними, то Британия действовала более гибко, предпочитая, чтобы обсуждение тяжёлых условий мира, выдвинутых Центральными державами, затянулось и привело затем к национальной консолидации русского общества. Большевики при этом практически неизбежно потеряли бы власть (с. 143—147). Не случайно на рубеже 1917—1918 гг. англичане не поддерживали антибольшевистские силы. Действия Н.Н. Духонина, исполнявшего обязанности верховного главнокомандующего и установившего контакт с прогерманской Украинской народной республикой, их планам не соответствовали. Селезнёв даже не исключает, что убийство генерала могло быть частью «специальной операции» (с. 146—147). Деятельность Учредительного собрания, гипотетически способного создать легитимное правительство, которое вело бы мирные переговоры от имени всего народа, лишь затрудняла бы положение союзников (с. 161—163). Между тем даже Брестский мир рассматривался в Британии как приемлемый тактиче-

ский приём (с. 175—176). В.И. Ульянов (Ленин) вёл двойную игру, пойдя на переговоры с Берлином и его союзниками и одновременно стараясь сохранить относительно боеспособную армию, что не противоречило английской политике. Разрыв Лондона с Совнаркомом произошёл лишь после отказа большевиков от идеи «революционной войны» с немцами в мае 1918 г. (с. 156—159).

В целом автор монографии выстраивает концепцию, согласно которой Британии при помощи своих сторонников в правящих кругах и в «контрэлите» Российской империи удалось втянуть её в мировую войну, вплоть до 1918 г. успешно блокировать любые поползновения к сепаратному миру, заставляя воевать даже после отказа от всяких внешнеполитических амбиций, а позднее и вовсе выведя из числа великих держав. Но при этом, как правило, предполагаемые агенты британского влияния действовали вслепую и уже в силу этого почти не оставили прямых свидетельств, подтверждающих наличие у них или у их руководителей подобной стратегии. Её реконструкция остаётся собственным уделом историка.

Примечания

¹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914—1917). 1915 год. Апогей. М., 2014. С. 62—71.

² Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016. С. 467—468, 483—491.

³ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 — весна 1917 г. М., 2003. С. 222—232.

⁴ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. М., 1998. С. 439—442, 461—462; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 2. М., 2000. С. 24—32.